

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 83–94, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-83-94
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'362 (811.512)

Comparative Studies of Western Yugur Noun-Forming Affixes Revisited

Gulgaysha S. Sagidolda ¹, Magripa K. Yeskeeva ², Begzhan Abdualyuli ³

¹ Ph. D. in Philology, Professor, Department of Kazakh Linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: asem963@mail.ru.

² Ph. D. in Philology, Professor, Department of Turkology, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: mag61103@inbox.ru.

³ Ph. D. in Philology, Professor, Department of Kazakh Linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: bekzhan_a7@mail.ru.

Abstract

Western Yugur is a Turkic language which is nowadays on the verge of extinction and assimilation resulting from long-term interaction with the Mongolian, Tibetan and Chinese languages. It seems relevant to study the development of the common Turkic language and identify the reasons for the disintegration of the language with evidence from Western Yugur which acts here as a “canned linguistic structure” that has been isolated from the Turkic language environment of Central Asia since the 8th-9th cc. and, thus, has experienced the diverse and prolonged influence of ethnolinguistic and historical processes “inside the belly” of the Chinese, Tangut, Tibetan and Mongolian languages. Despite the impact of the mentioned languages, Western Yugur is considered one of the ancient Turkic languages that has retained the common Turkic proto-forms and features of development of Turkic languages in their initial stages.

Comparative historical studies of noun-forming affixes in the language of ancient Turkic written monuments, Western Yugur, Kazakh of the Kipchak branch and Turkish of the Oghuz branch make it possible to identify the common word-building formants characteristic of the languages of the period under consideration as well as the trends of development (of affixes) after the Old Turkic period and their formation in each of the languages.

The study shows that common noun-forming suffixes characteristic of the 6th-10th cc. Turkic languages used to function within Western Yugur, Kazakh and other Turkic languages but in 1400–1500 years of their historical development those experienced a number of sound changes while the meanings and functions of the affixes, their morphological features in the language of written monuments have some similarities to affixes of pronouns. However, the synharmonism discovered in the noun-forming suffixes in the ancient written language has been completely retained by the Turkish language, partly by the Western Yugur language and is not to be found in the Kazakh one.

Keywords: ethnolinguistic and historical processes, Turkic ethnic minority, language contacts, general Turkic proto-form, phonetic system, morphological system, language of ancient Turkic written monuments, Kipchak branch, Oghuz branch, system of noun-forming affixes.

Одним из актуальных вопросов современной тюркологии является изучение лексического фонда исчезающих языков, а также сравнительное исследование фонетической системы и морфологической структуры тюркских языков, не способных противостоять процессам глобализации и постепенно теряющих функциональные свойства. В тюркских языках имеются языки малочисленных этносов, которым грозит угроза исчезновения. К ним относятся сарыг-уйгурский, саларский, караимский, кумыкский, ногайский и другие языки.

Исследование развития общетюркского языка и выявление причин распада языков представляется актуальным на материале западного сарыг-уйгурского языка, выступающего в качестве «законсервированной лингвоструктуры», который после VIII–IX вв. под влиянием этнолингвоисторических процессов длительное время оставался в Центральной Азии «в недрах» китайского, тангутского, тибетского, монгольского языков, потеряв связь с тюркской языковой средой. Несмотря на влияние указанных языков, западный сарыг-уйгурский язык считается одним из древних тюркских языков, сохранивших общетюркские праформы и признаки развития тюркских языков в древнетюркскую эпоху.

До периода ассимиляции сарыг-уйгуры сами себя называли этнонимом *joγur* / *oγur*. Официальное название этноса в Китайской Народной Республике, с учетом фонетико-артикуляционных особенностей китайского языка, зафиксировано как *ujyu* / *juyu*. Исследователи, опирающиеся на древние китайские надписи, в которых этноним *oγuz* в соответствии с фонетическими особенностями китайского языка пишется как *oγu* / *uγu*, обнаруживают прямую связь сарыг-уйгуров с огузами древнетюркской эпохи. Согласно данной точке зрения, сарыг-уйгуры являются потомками тогуз-огузов: «Роды в этническом составе современных сарыг-уйгуров сформировались на основе тогуз-огузских родов, в древнетюркскую эпоху заселявших побережья Орхона» [Хы Уей Гуанг 2000: 4].

С лингвистической точки зрения рассмотрение этнонима *joγur* как гомогенной лексемы с этнонимами *oγuz* / *oγur*, имеющими общую этимологическую основу, не вызывает противоречий. В данном случае необходимо учитывать характерные для тюркских языков закономерности процесса протезы фонемы *j* в позиции анлаута, а пе-

реименование *joγur* в *oγur* стоит рассматривать как результат фонетических вариантов, возникших в процессе метатезы $j \leftrightarrow o$.

С. Е. Малов называет в качестве исторической родины сарыг-уйгуров побережья Орхона и Селенги: «Можно думать, что желтые уйгуры поселились в местах своего теперешнего местожительства лет с тысячу с лишним тому назад, придя частью с запада (Китайский Туркестан), а частично спустившись несколько южнее из Монголии, из бассейна рек Орхона и Селенги (после войны с киргизами)» [Малов 1957: 3–4].

В науке историко-генеалогическое происхождение уйгуров, известных под этнонимом *sariγ uγur* ‘сарыг уйгур’, связано с такими племенами, заселявшими территории древней Монголии, как *dinlin* ‘динлин’ (III в. до н. э.), *tele* ‘теле’ (IV в. н. э.), *joγur* / *uγur* ‘йогур / уйгур’, *qoγqu* ‘хойху’, *toquz oγuz* ‘токуз огуз’. Формирование же этнического состава связано с такими тюркоязычными племенами, как *qarluq* ‘карлук’, *qirqiz/qirqaz* ‘кыркыз, кырк аз’, *qijmaq* ‘кимак’, *türgeš* ‘тюргеш’, *qanli* ‘канлы’, *najman* ‘найман’, *kerejt* ‘кереит’, и монгольским, тангутским и тибетским этносами, с которыми они находились в тесном контакте. Например, А. М. Решетов отмечает: «Сарыг-уйгуры — потомки древних уйгуров, 840 лет назад после распада Уйгурского каганата покинувших территории современной Монголии и направившихся на юг и юго-запад» [Решетов 1998: 132]. Корни древних уйгуров обнаруживаются у гуннов. Это подтверждается тем фактом, что побережья реки Селенги считались исторической родиной предков как гуннов, так и уйгуров [Бичурин 1950: 67–68].

Китайские источники свидетельствуют о том, что первые племена тюрков на территории сарыг-уйгуров, обитавших в окрестностях современной Ганьсу, появились в V–VIII вв. на побережьях Селенги. Вторая волна, связанная с падением Уйгурского каганата, поселилась с середины IX – начала X вв. По преданиям самих сарыг-уйгуров, они прибыли в нагорье Цзюцюань (в прошлом — Сучжоу) из запада Сиджо Ходжо (территория современного кишлака Ходжо в оазисе Турфан) и Цяньфутуна (из Мыншукора на территории Дуньхуана).

Таким образом, на формирование сарыг-уйгуров оказали влияние следующие исторические факты: 1) древняя миграция с побережий Селенги в V–VIII вв.; 2) ми-

грация уйгуров в результате поражения от кыргызов в IX–X вв.; 3) новая волна миграции после XIII в. из окрестностей Турфана. На новой территории уйгуры прожили около 300 лет и даже создали самостоятельное ханство, на которое в начале XI в. напали тангуты [Уйгуры].

Миграционные процессы и исторические события в жизни сарыг-уйгуров, длительные тесные этнокультурные, социальные и политико-экономические контакты с другими народами не могли не оставить след в их языке. Одна группа сарыг-уйгуров, считающих себя представителями единой этногенетической общности (*уйгу*, *юйгу*, *йогур*, *йугур*), является тюркоязычной, другая же — монголоязычной, третья группа общается на китайском языке, четвертая — на тибетском. Большинство тюркоязычных уйгуров (*кара уйгуры*) проживают в окрестностях Ганьсу, некоторая часть монголоязычных уйгуров (*шар уйгуры*) — в предгорьях Чжанье (в прошлом — Ганьчжоу) в волости Канлочу и Матис, какая-то часть проживает в волости Угэй близ озера Кукурнор (монг. *Хөхнуур* 'Синее озеро'). Уйгуры, проживающие в тесном взаимодействии с тибетцами в волости Угэй, разговаривают на местном тибетском диалекте, а уйгуры, проживающие в южной части волости Чэнтан и Хуаннипо в предгорьях Цзюцюань, — только на китайском языке [Уйгуры].

С. Е. Малов так описывает лингвокультурные дифференцирующие процессы, связанные с языком уйгуров: «Уйгуры попали в среду, чужую им по языку. Они оказались окруженными носителями разных языков; здесь были главным образом китайцы, монголы и тангуты. И все они, даже в отдельности, были многочисленнее уйгуров. За тысячу с лишним лет своего пребывания здесь уйгуры постепенно утрачивают свой язык. Часть уйгуров, живущая на северо-западе вплотную с китайцами (у г. Сучжоу и несколько южнее, в земледельческой полосе, к хребту Нань-шань), совершенно забыла свой родной язык и говорит теперь только, в основной своей массе, на китайском» [Малов 1957: 4]. Также С. Е. Малов отмечает слабую связь между уйгурами, разговаривающими на китайском языке, и уйгурами, сохранившими тюркский язык: «У окитаившихся уйгуров сохраняется связь со своими сородичами, говорящими на уйгурском языке, только в том, как мне сообщали, что в праздник (китайский) Нового года

уйгуры-китайцы приглашают к себе для шаманского моления уйгура-тюрка. Вот и все!» [Малов 1957: 4].

По лингвогеографическому ареалу уйгурский язык подразделяется на западную и восточную группы. Определяя место западно-уйгурского языка, на котором говорили кара уйгуры, в системе тюркских языков, Э. Р. Тенишев пишет: «Сарыг-югурский язык до VIII–IX вв. предположительно был *d*-языком. Под воздействием языка древних кыргызов он трансформировался в *z*-язык. В какой-то мере его коснулось кыпчакское влияние (йотированное произношение начальных широких гласных, причастие и прошедшее время на *-уан*)» [Тенишев, Тодаева 1966: 39], и при этом отмечает, что после миграции сарыг-уйгуров в Китай (IX–X вв.) их язык долгое время оставался под влиянием китайского языка. Э. Р. Тенишев указывает на следующий момент: «Из-за влияния китайского языка большинство китайских слов заимствовано словарным фондом языка, в морфологии развился аналитизм, в звуковой системе образовались сильные и слабые пары глухих согласных. Кроме китайских элементов, в сарыг-уйгурский язык вошли заимствования из монгольского, тибетского языков и санскрита. Таким образом, один из совершенных тюркских языков сформировался как современный смешанный сарыг-уйгурский язык» [Тенишев, Тодаева 1966: 40].

По мнению Б. Х. Тодаевой, сарыг-уйгурский язык (шира югурский язык) «изначально был тюркским языком» [Тенишев, Тодаева 1966: 78]. Элементы двух групп монгольского языка, а именно язык жителей регионов Ганьсу, Цинхай, Пекина и монгол, дунсян, баоаньских языков, которые тесно взаимодействовали с югурским, не только обогатили его словарный состав, но и стали переплетаться с его тюркской основой, что привело к изменению особенностей, характерных для тюркской речи, и образованию смешанного языка с совершенно новой фонетической и грамматической системой [Тенишев, Тодаева 1966: 78]. Кроме того, по мнению исследователя, значимость восточного сарыг-уйгурского языка в системе монгольских языков такова: «По своему фонетическому составу и грамматической структуре язык шира югуров занимает определенное место в системе монгольских языков. Территория распространения шира югурского языка и языковая норма, схожая

с другими монгольскими языками, определяет его место в системе монгольских языков» [Тенишев, Тодаева 1966: 78].

Упоминание о тюркской природе западного сарыг-уйгурского языка содержится в следующих словах С. Е. Малова: «На первый взгляд, в статическом положении, можно даже удивляться, как другая часть уйгуров сохранила свой язык и свои многие старые черты; все они сохранили в своих семьях, в своих семейных разговорах хороший уйгурский язык, который каждый представитель другого тюркского языка может понять после очень недолгого предварительного ознакомления» [Малов 1957: 4].

Язык западных сарыг-уйгуров, полностью сохранивший праязыковые особенности системы тюркских языков, является важной лингвоструктурой в развитии общетюркского языка и во внутреннем межъязыковом распаде. Несмотря на то что в лексической системе западного сарыг-уйгурского языка довольно часто встречаются элементы китайско-тибетских и монгольских языков, в нем очень хорошо сохранилась общетюркская базовая лексика. К тому же можно обнаружить множество лексем, схожих по значению и структуре с лексемами казахского языка, особенно с односложными словами: *теп* ‘я’ (каз. *мен*), *сен* ‘ты’ (каз. *сен*), *ол* ‘он / она’ (каз. *ол*), *qiz* ‘девочка’ (каз. *qыз*), *az* ‘мало, немного’ (каз. *аз*, *көп емес*), *aj* ‘луна’ (каз. *ай*), *ajt* ‘скажи, сказать’ (каз. *айт*, *айту*), *ajaq* ‘посуда’ (каз. *ыдыс-аяқ*), *aqsaqal* ‘старейшина’ (каз. *ақсақал*), *qiliš* ‘меч’ (каз. *қылыш*), *aš* ‘голодный’ (каз. *аш* (*қарны аш*)), *bos* ‘свободный, пустой’ (каз. *бос*), *bozda* ‘бозда’, *beri* ‘ближе; сюда’ (каз. *бері*), *erkek* ‘мужчина’ (каз. *еркек*), *erte* ‘рано’ (каз. *ерте*), *qan* ‘кровь’ (каз. *қан*), *maŋra* ‘блеять’ (каз. *маңра*, *маңрау*), *is* ‘дело’ (каз. *іс*), *tös* ‘грудь’ (каз. *төс*), *töseк* ‘постель’ (каз. *төсек*), *tolyaq* ‘родовые схватки’ (каз. *толғақ*) и т. д. [Материалы экспедиции].

По генеалогической классификации Н. К. Баскакова, западный сарыг-уйгурский язык входит в хакасскую группу уйгуро-огузской группы языков восточнохунской ветви [Баскаков 1969: 230–342], а по историко-хронологической классификации С. Е. Малова он относится к разряду самых древних языков [Малов 1951: 192].

Исследование фонетических особенностей и морфологической структуры сарыг-уйгурского языка в языке памятников

древней письменности в сопоставлении с казахским языком из кипчакской группы и турецким языком из огузской группы при помощи сравнительно-исторического подхода позволит выявить общие словообразовательные форманты в системе словообразования сарыг-уйгурского языка и более позднего периода развития тюркских языков до настоящего времени.

Существительные в сарыг-уйгурском, казахском и турецком языках, как и во многих тюркских языках, преобразовываются и изменяются в структурном отношении посредством взаимодействия с другими лексемами. Структурные и семантические изменения лексем осуществляются в рамках лингвистических законов в ходе исторического развития языка. Лексико-грамматические, фонетико-фонологические закономерности, характерные для всех тюркских языков, наблюдаются и в имени существительном данного языка.

Имена существительные в сарыг-уйгурском, казахском, турецком языках и их различные грамматические категории (множественности, притяжательности, склонения и др.) в системе словообразования имеют общие черты с языком памятников письменности Орхона и Енисея (VI–IX вв.). Тем не менее особенности системы существительных в данных языках демонстрируют процесс развития на каждом этапе функционирования сарыг-уйгурского, казахского, турецкого языков после IX в.

Аффиксы системы существительных сарыг-уйгурского, казахского, турецкого языков, преобразующие именные части речи в именные или глаголы в именные, очень тесно связаны со словообразующими суффиксами, которые встречаются в памятниках древнетюркской письменности. Например, в сарыг-уйгурском языке окончания *-čī / -či*, *-žī / -ži*, присоединяющиеся к именным частям речи и глаголам, выполняют функцию образования существительных, означающих профессию субъекта или источник его дохода. К примеру: *qusčī* ‘пастух’ (< *qus / kus* ‘бык’), *oŋurčī* ‘вор’, *atčī* ‘табунщик’, *qojčī* ‘чабан’, *pitiqčī* ‘писатель’ (< *pitiq* ‘написать’), *erepčī* ‘супруги’ (< *er+ep+čī*), *baščī* ‘начальник’ [Малов 1951: 164]; *tikenži* ‘сборщик дров’, *telmiži* ‘переводчик’ [Малов 1951: 146]. С образно-смысловой точки зрения эти окончания аналогичны аффиксам *-шы / -ші* в казахском и *-ci / -ci*, *-cu / -cū*; *-çi / -çi*, *-çu / -çū* — в турецком языках, при

помощи которых тоже образуются названия, относящиеся к профессии, ремеслу или навыкам. Если в казахском языке есть два варианта суффикса, то в турецком, согласно закону сингармонизма, используется восемь вариантов гласных и согласных. Так, например, если в казахском языке — *аңшы, ойыншы, күзетші, дүкенші, етікші, жолаушы* и т. д., то в турецком — *avcı, ouuncu, bekçi, dükkancı, çizmeci, yolcu* и т. д.

Аффиксы *-çĭ / -çi (-çij), -çu / -çü* в турецком языке встречаются в следующих звуковых вариантах: *-çĭ / -çi / -çü / -çu / -şy / -ş / i / -su / -sy / -si / -zy / -zu / -zi* и являются производными суффиксами, образующими существительные, которые в зависимости от общественно-социальной среды обозначают какую-либо профессию, звание, привычную деятельность, поступок, навык, в некоторых случаях — местонахождение человека. Например, древнетюрк. *bitigçi* ‘писарь’, тат. *jazyçy*, тур. *jazyçu* ‘писатель’, древнетюрк. *satyçy*, тат. *satyçy*, тур. *satyçu*, чув. *sudužə* ‘продавец, купец’, *balıqçı* ‘рыбак’, азерб. *oçuçy* ‘тоскующий’, алт. *d'ylkyçu* ‘табунщик’, башк. *balyksy* ‘рыбак’, гаг. *jol žu* ‘путник’, карайм. *byryçu* ‘сверловщик’, ккалп. *etikši* ‘сапожник’, кбалк. *qojçu* ‘чабан’, ног. *anşy* ‘охотник’, каз. *balyqşy* ‘рыбак’, тат. *kümerçe* ‘угольщик’, сал. *malçu* ‘пастух’, тоф. *isşi* ‘последователь’, узб. *balıqçı* ‘рыбак’, уйг. *ötükçi* ‘сапожник’, каз. *ötirikşi* ‘лжец’ (с.е.), *etikşi* ‘человек, который шьет обувь’ (з.е.), тюр. *demirçi* ‘мастер’, тув. *kizilçi* ‘житель Кызыл’, кбалк. *byllymçu* ‘житель Былым’ и т. д.

Аффиксы *-çĭ / -çi (-çij), -çu / -çü* очень часто встречаются в древнетюркских письменных памятниках и в основном используются для обозначения представителя той или иной профессии или намерения субъекта: *elçi* → *el+çi-elşi* → *el+şi* ‘посол’: *Atım El Toğan Tutuq. Ben teñri elimke elçisi ertim ertim* ‘Мое имя — Ел Тоган Тутук. Я являюсь послом страны божества’ [Аманжолов 1996: 48]; *tamyaçĭ* → *tamya+çĭ* ‘клеймовщик’: *On oq oylım, türgis qayanta Maqraç tamyaçĭ, Oğuz bilge Tamyaçĭ kelti* ‘От Он окуглы, кагана тюргешей пришли клеймовщик Макраш, тамгашы Огуз’ [Айдаров 1995: 182]; ~ каз. *tamyaşı* → *tamya+şı*; *joyuçĭ* → *joyu+çĭ* ‘тоскующий’, *siyitşi* → *siyit+şı* ‘оплакивающий’: *Jojuçĭ siyitşi öñre kün toyuşqda Böküli Çölüg el tabyş tüpüt apar purum qırqız üç qurıqan otuz tatar qıtan tatabı bunça budun kelipen siyitamıs jojulamıs* ‘Пришли оплаки-

вающие, представители народов Восточной страны Буклинской пустыни (Корейский полуостров. — прим. авт.), Табгач-китая, Аваров, Рима, Киргизов, Уч курыканов, Огуз татаров, Китана, Татабыров, для оплакивания и участия в траурных мероприятиях’ [Айдаров 1995: 182]; *sabçĭ* → *sab+çĭ* ‘вестовой / гонец’: *Alp er oylı süke barmış sü jirite eriklig sabçĭ türtmış tir* ‘Могучий храбрый сын пошел в армию. В армии добровольный гонец подтвердил, — скажет он’ [Айдаров 1990: 167]; *Sarıy atlıy sabçĭ jayız atlıy jalabaş edgü söz sab elti kelip tir* ‘Сказано, что вестовой по имени Сарыг приедет на чистокровной лошади и сообщит хорошую весть’ [Айдаров 1990: 160].

Об этимологии формантов *-çĭ / -çi (-çij), -çu / -çü*, обладающих в тюркских языках субъектным значением, имеются различные мнения. Э. В. Севортян, связывавший окончания тюркских языков *-çĭ / -çi (-çij), -çu / -çü, -şĭ / -şi* с аффиксами прилагательных *-lı / -li, -di / -di, -ti / -ti*, высказал следующую мысль: «...существительные на *-çi* приближаются к производным на *-lı*, означая, как и последние, свойства лица или предмета. Действительно, образования типа *ijnadçĭ* ‘упрямец’ от *ijnad* ‘упрямство’ по характеру значения весьма близки прилагательным типа *abırlı* ‘стыдливый’, ‘нравственный’, ‘приличный, порядочный’ от *abır* (обру) ‘стыд’. Весьма приближаются они также к прилагательным на *-çil*, означающим постоянное или устойчивое свойство, присущее предмету. В азербайджанском языке имеется, в частности, параллельная с *ijnadçĭ* форма *ijnadçıl* в том же значении» [Севортян 1966: 84]. А. Н. Кононов также связывает данное окончание с аффиксами *-şil / -şil*, образующими имя прилагательное [Кононов 1972: 103]. Н. А. Баскаков связывает его с окончаниями условного наклонения *-şa / -şe, -ça / -çe* [Баскаков 1953: 60], а Б. А. Серебренников указывает на способность морфемы *-ç / -çi / -çij* с уменьшительно-ласкательным значением сохранять сему субъектности по отношению к какой-либо вещи. В этой связи он рассматривает генетическую взаимосвязь форманта *-çĭ / -çi (-çij), -şĭ / -şi*, обозначающего склонность человека к какой-нибудь профессии или действию, и форманта *-ç / -çi / -çij*, имеющего уменьшительно-ласкательное значение. По мнению ученого, значение морфем *çĭ / -çi (-çij), -şĭ / -şi*, определяющих профессию, не является архисемой, оно используется в

значении наработанного навыка или склонности к чему-л., односоставная морфема *-č* может быть одним из вариантов данного форманта [Серебренников 1963: 3–4]. Если рассматривать появление разных вариантов звучания древнетюркских окончаний *-čī / -či (-čij)*, *-ču / -čü*, казахских *-šī / -ši* и турецких *-či / -ci (-ču / -cü)*, *-ži / -zi / -zu / -zü* как результат процесса развития языка, то можно сделать следующий вывод о суффиксах сарыг-уйгурского языка *-či / -ci* и его непроизводного варианта *-ži / -zi*, которые по структуре и значению полностью сходны с ними: это окончание, сохранившее самую древнюю общетюркскую форму в результате консервации языка.

В основном, окончания *-q / -k*, *-γ / -g*, *-iq / -ik*, *-iy / -ig*, *-ak / -ek* в сарыг-уйгурском языке присоединяются к глаголам и образуют именные части речи, а по образно-смысловой части они полностью соответствуют казахским производным окончаниям *-q / -k*, *-iq / -ik*, *-aq / -ek* и турецким *-ak / -ek*, *-iq / -ik*, *-k*. К примеру, на сарыг-уйгурском: *ayriq / ayiriq / ayriq* ‘больной’, *issig ayriq* ‘тиф’, *aziq / azuq* ‘продукты питания, корм; еда’, *asiy* ‘остаток, пережитки’ [Малов 1951: 12, 18], *emiy* ‘грудь / вымя’, *emisiq* ‘соска (для ребенка, младенца)’, *etik* ‘подол (подол платья)’ [Малов 1951: 25, 27], *qavaq* ‘хрящ носа’ [Малов 1951: 48]; на казахском языке *-q / -k*, *-iq / -ik*, *-aq / -ek*: *aziq* ‘еда’, *bujiriq* ‘приказ’, *turaq* ‘становище’, *žoriq* ‘поход’, *ariq* ‘арык’, *želek* ‘молодуха’, *emizik* ‘соска’, *etek* ‘подол’, *buyaq* ‘родник’, *böbek* ‘младенец’, *suraq* ‘вопрос’, *quraq* ‘курак’, *keñsirik* ‘хрящ носа’ и т. д.; на турецком: *-ak / -ek*, *-iq / -ik*, *-k*: *bebek* ‘младенец’, *yemek* ‘еда, продукты питания’, *buyruk* ‘приказ’, *gidik* ‘второй подбородок’, *bulak* ‘родник’, *sıgınak* ‘подветренная сторона’, *uçak* ‘самолет’, *aksirik* ‘чих’.

Данное окончание в древнетюркских письменных памятниках встречается в форме *-iy / -ig*, *-iq / -ik*, *-aq / -ek*, *-ay / -äg*: *artuq* → *art+uq* ‘лишний / больше’: *Örtçe qizip kelti süñüsdimiz. Bizinte eki uçı şınarča artuq erti Teñri jarılqaduq üçün üküš tijin biz* ‘Костер полыхал. Мы воевали. Нас было на две половины больше. С Божьим благословением нас было больше’ [Айдаров 2000: 111]; *azuq* → **az+uq* ‘продукты, еда’ [Древнетюркский словарь 1969: 73]; *Jinčü ügüzig keče, Temir qarıyqa tegi süledimiz. Anta kisre qaratürgis budunjağı bolmiş. Keñeres tapa bardı. Bizin cü atıtuuruq, azuqı joq erti* ‘Мы прошли через

реку Йинчүү (Сырдария), и воевали до железных ворот. После этого народ кара тюргешей стал нашим врагом. Они были против Кенереса. Лошади нашей армии исхудали, продуктов не осталось’ [Айдаров 1995: 179]. М. Кашгари не только относил слова, имеющие окончания *-q / -k*, к масдарской группе, но и говорил об их применении в значении именных частей речи [Кошгарий 1963: 54–55].

А. Н. Кононов указывает на шесть значений формантов *-γ / -g*, *-uγ / -üg*, *-iy / -ig*, образующих имя существительное: «1) со значением названия акта процесса: *bilig* ‘знание’ (*bil* ‘знать’), *ötüg* ‘просьба, мольба’ (**öt* ‘молить, просить’); 2) со значением результата действия: *ülig~ülüg* ‘часть, доля’ (**ül* ‘делить’), *ölig~ölüg* ‘мертвый, мертвец’ (*öl* ‘умирать’); 3) со значением объекта действия: *qarıy* ‘ворота’ (*qar* ‘закрывать’); 4) со значением действующего лица, субъекта действия: *körig~körüg* ‘соглядатай’ (*kör* ‘видеть’); 5) со значением места действия: *keçig* ‘переправа, брод’ (*keç* ‘проходить, переходить’); *erig jirtä* ‘в том месте, где пребывают’, ‘место стоянки’ (*er* ‘быть’); 6) со значением орудия действия: *süñüg* ‘копье’ (*sün* ‘войско’) [Кононов 1972: 88]. Н. А. Баскаков на основе языковых фактов доказал, что морфемы *-γ / -g*, *-q / -k*, *-uγ / -üg*, *-uq / -ük*, *-iy / -ig*, *-iq / -ik* генетически являются сокращенными формами *-qaq / -yaq*, *-kek / -gek* и его вариантом с узкими гласными *-γiq / -gik*, *-viç / -vik*. Утверждая, что все эти суффиксы являются вариантами одного аффикса, возникшего из одной формы, ученый демонстрирует, что слово *taqyaq* ‘расческа’ в словаре М. Кашгари используется как *taraq*, а *oryaq* ‘серп’ в уйгурском языке применяется как *orjaq* [Баскаков 1952: 402–403]. Известно, что слова *qajiq* ‘лодка’ и *qulaq* ‘ухо’, встречающиеся в современных тюркских языках, также использовались в древнетюркских языках в виде *qajyiq*, *qulqaq*. Такое же явление можно встретить в сарыг-уйгурском языке: *žiyaq* ‘сторона’, *uryaq / oryaq* ‘серп’ [Малов 1951: 131]. Это означает, что суффиксы *-q / -k*, *-γ / -g*, *-iq / -ik*, *-iy / -ig*, которые в древнетюркских языках участвовали в образовании имен существительных и прилагательных, в современных тюркских языках, а именно: сарыг-уйгурском, казахском и турецком, сохранились в виде морфем, способных образовывать как имена существительные, так и имена прилагательные.

Суффиксы *-luq / -lük, -luγ / -lüg, -liγ / -lig, -liq / -liq*, которые, присоединяясь к глаголам и именным частям речи, образуют именные части речи, в сарыг-уйгурском языке используются в виде *-liq / -lik, -liγ, -tiq, -diq*, в казахском языке — *-liq / -lik, -diq / -dik, -tiq / -tik*, а в турецком — *-lik / -lik, -luk / -lü*. В науке о тюркских языках еще не сформировалось однозначное мнение о том, к какой группе, односложных или составных, отнести морфемы *-daq / -dek, -taq / -tek, -tiq / -tik, -liq / -lik*, которые в свою очередь являются фонетическими вариантами аффиксов *-laq / -lek, -lay / -leg, -liq / -lik* (со звуковыми вариантами). Это древний производный аффикс, образующий именные части речи: среднетюрк. *otluq* ‘корыто для кормления скота’, *čečtklik* ‘ваза’, *üğürlük* ‘хранилище; место для хранения проса’, узб. *küplik* ‘множественный’, *dašlik* ‘равнина’, кум. *budajliq* ‘зерновое поле’, кар. *almalix* ‘яблоня’, ног. *jamanliq* ‘плохое, злодейство’, тат. *sukirlik* ‘слепота’, азерб. *üzümlük* ‘виноградник’, *başyalıy* ‘особенность’, каз. *dostıq* ‘дружба’, *kisilik* ‘человечность’, кирг. *žaşılıq* ‘благодарение’, *burunluk* ‘уздечка (намордник)’, уйг. *balalik* ‘детство’, сал. *aşlıx* ‘зерно’, чув. *čullāx* ‘каменистый’ и т. д.

Аффиксы *-luq / -lük, -luγ / -lüg, -liγ / -lig, -liq / -liq* очень часто используются у М. Кашгари, в древнеуйгурских памятниках, в чагатайском языке, однако в тюркских источниках VII–IX вв. они встречаются редко [Кононов 1980: 88]. Это явление объясняется многофункциональной природой этих окончаний, которая влияет на процесс субстантивации и адъективации. В древнетюркском языке: *baslıy* → *bas+lıy* ‘возглавлять, глава’ [Древние тюркские диалекты 1971: 34]: *Anta jerüki suq baslıy Soγdaq budun köp kelti. Ol künte tegti Türk budun Temir qarıyqa* ‘Тогда пришел весь Согдийский народ во главе с Суком. В эти дни тюркский народ дошел до железных ворот’ [Айдаров 2000: 112]; *jaγluq* → *jaγ+luq* ‘ошибка, упущение’: *On tünke jantiqi tuy ebirü bardimiz. Jirči jir jaγılıq, boγualantı. Buγadup qaγan jelü kör timis* ‘За десять ночей мы пришли к подножию горы. Местный парень (показывавший дорогу), ошибся и был зарезан. Каган Желе кор горевал, — сказал он’ [Айдаров 2000: 109].

Аффиксы *-liγ / -liq* также характерны для алтайских языков. Многие ученые-алтаисты и тюркологи считают, что аффиксы *-liq / -liq* происходят от окончания множе-

ственного числа *-l* и суффиксов удваивания *-iq / -ik* (*-liq / -liq > (*-l+*-iq) / -lik (*-l+*-ik)*), и рассматривают их значение ‘накапливания чего-то, его изобилие и скапливание в одном месте’ как первичное, а другие значения как вторичные, образовавшиеся в результате семантического развития языка [Рамстедт 1957: 203; Константинова 1964: 89].

Морфемы *-n* (*-an / -en, -in / -in, -un / -ün*), образующие имена существительные, в сарыг-уйгурском языке имеют вид *-en, -in / -in, -un*, в казахском языке — *-an / -en, -in / -in*, а в турецком — *-an / -en, -in / -in, -un / -ün*, в языке письменных памятников Орхон-Енисей (VI–IX вв.) — *-an / -en, -in / -in, -un*. С помощью этих окончаний образуются слова, указывающие на субъект, совершающий действие, и название действия. Например, на древнетюркском: *kelin* → **kel+in* ‘невеста’: *Ögim qatun ulaju öglerim, ekelerim, kelinünim, qunčuylarım, bunča jeme tirligi küñ boltačerti, ölügi jurtda jolta jatı qaltači, ertigiz* ‘Моя мать женщина, следующие за ней мамы, невестки, снохи, девушки, вы бы стали рабынями, ваши останки остались бы у народа и лежали бы на дорогах’ [Айдаров 1995: 182]; *oylan* → *oy(u)l+an* ‘мальчик, защитник’: *Otuz oylan saydıcları pičin elte jegirmi* ‘Верные друзья тридцати защитников! В год обезьяны, в народе исполнилось двадцать’ [Аманжолов 1996: 44].

Слова, образованные при помощи формантов сарыг-уйгурского языка *-en, -in / -in, -un*, казахского языка — *-an / -en, in / -in*, турецкого языка — *-an / -en, -in / -in, -un / -ün*, не очень отличаются по значению от лексем, образованных с помощью древнетюркских окончаний *-an / -en, -in / -in, -un / -ün*, однако в связи с ростом активности словообразования аффиксов отмечается расширение в области их значений. То, что в общетюркских языках, а именно: в сарыг-уйгурском, казахском и турецком, точно не обозначена грань формантов морфем *-an / -en, -in / -in*, а также то, что значение коренных морфем часто встречается в составе неясных дисиллабов, показывает, что эти окончания — наиболее древние, возникшие в период, предшествовавший древнетюркскому.

Принято считать, что сарыг-уйгурские окончания *-yi / -gi, -ki*, казахские — *-yi / -gi*, турецкие — *-gi, gu / -gi, -ki / -ki* являются морфемами, образующими именные части речи или наречия, но в некоторых случаях они участвуют в образовании существи-

тельных и соответствуют древнетюркскому форманту *-yu*. Например: *ajyu* → *aj+yu* ‘наставник, советчик’: *Qaγanī alpermis. Ajyučisī bilge ermis. Oleki kisi bar erser sini tabyačiy ölüртеči tirmen. Öñre qitanīy ölüртеči tirmen. Bini oγuzuy ölüртеči ök tirmen* ‘Каган был могучим. Его наставник был мудрым. Если бы эти два человека присутствовали, я бы сказал, что ты уничтожишь Табгашей. На востоке уничтожишь китанов. Уничтожишь меня, огуза’ [Айдаров 2000: 105] ~ каз. *aj* → *aj+qaj(ši)* ‘крик, громкий звук’ ‘наставник, утешитель’.

Окончания *-yi / -gi, -ki / -ki, -yu / -gi* прежде участвовали в образовании грамматических единиц глагола, сейчас же они используются как способы образования существительных от глаголов. М. Томанов говорит, что уменьшительно-ласкательное значение окончаний *-qi / -qij* (туркмен. *ataqi* ‘отец, дед’, тув. *avaqi* ‘мама’) и *-qa / -ke* (кирг. *ateke, šešeke, erke*), *-qaj* (узб., каз. *balaqaj*, тат. *quwanqaj* ‘заяц’) в их семантическом содержании характерно для всех [Томанов 2002: 283]. К ряду морфем, имеющих генетическую связь с окончаниями сарыг-уйгурского, казахского, турецкого языков *-qu / -kü, -yu / -gü*, можно отнести аффиксы *-w (-aw / -ew)*, образующие глаголы, которые являются фонетическим вариантом древнетюркских *-q / -k, -γ / -g* [Левитская 1976: 162; Кононов 1980: 97; Томанов 1981: 191; Хасенова 1971: 196].

Морфемы, образующие имена существительные, которые в сарыг-уйгурском языке встречаются в виде *-m / -im / -im*, в казахском — *-m / -im / -im* и турецком — *-m / -im / -im, -um / -üm*, в основном используются для того, чтобы называть результаты каких-либо действий, числовые измерения, обособленные акты движения, и имеют образно-смысловые соответствия с окончаниями *-im / -im* языка орхоно-енисейских памятников письменности (VI–IX вв.)

Форманты древнетюркского языка *-im / -im, -um / -üm* используются в нескольких значениях: «1) использование в значении размера и величины; 2) указывает на результат действия; 3) означает имя, объект; 4) иногда используется в значении субъекта; 5) означает процесс и его результат» [Есенкулов 1976: 90]. Например, *tusum* → *tus+um* ‘польза (доход)’: ‘В пользу моему божественному государству’; *kedim* → *ked+im* ‘одежда’, ‘кольчуга, оружие’, ‘упряжь, попона’, ‘одежда’: *Beš jüz kedimlig*

jaday ‘Вооруженная пехота из 500 человек’; *Ücünč Jegin Silig begiñ kedimlig toriy atbinip tegdi. Ol at anta ölti* ‘В третий [раз] попал в запряженного гнедого коня бека Иегин Силика. Конь тогда погиб’.

А. Н. Кононов причисляет окончания языка письменных памятников *-im / -im, -um / -üm* к непроизводным суффиксам [Кононов 1980: 93]. Однако нечастое использование существительных, образованных от глаголов при помощи формантов *-im / -im, -um / -üm* в языке письменных памятников, может быть связано не с беспроизводностью этих окончаний, а со стилистическими особенностями автора текста того времени, поскольку, если учитывать широкое применение этих окончаний в виде смысловой и сформированной словообразующей модели современных тюркских языков, окончания *-im / -im, -um / -üm* не похожи на беспроизводные, мало используемые суффиксы.

Помимо вышеуказанных окончаний, в сарыг-уйгурском языке очень часто встречаются слова, образованные при помощи аффиксов, которые совпадают с такими суффиксами в языке памятников письменности, как *-is / -is, -us / -üs, -ma / -me, -č, -nč, -qış / -kiš, -sıq / -sıy, -suq / -sük, -šiy / -šiy, -daš / -diš / -diš / -dič / -dič*. Эти окончания, образующие существительные, являются общими суффиксами для групп кыпчакских и огузских языков, а именно: казахского и турецкого. Они могут отличаться по вариантной классификации. Например, окончания *-is / -is, -uš / -üš*, которые обозначают движение и манеру действия, в древнетюркском языке имеют вид *-is / -is, -uš / -üš* (*tegis* → *teg+is* ‘битва, нападение’, *uruš* → *ur+uš* ‘битва, сражение’, *sünjüš* → *sünj+ üš* ‘война’, в сарыг-уйгурском — *-is (adžaqiš* ‘очаг’ < *ot+žaq, ayis* ‘аршин (мера длины)’, *alqiš* ‘благодарность, благословение’), в казахском языке — *-is / -is (alyis, qaryis, atis, šabis, kün köris, žüris, turis)*, в турецком языке — *-iş / -iş, -uş / -üş (bakış* ‘точка зрения’, *giriş* ‘прибыль’, *dönüş* ‘возвращаться’, *uçuş* ‘летать’). Окончание *-ma / -me*, образующее имена существительные от глаголов, в общетюркских языках выполняет несколько функций: 1) образует слова, обозначающие субъекта, совершившего действие; 2) обозначает место и название предмета; 3) обозначает названия оружия и приборов; 4) обозначает объект действия; 5) обозначает результат действия. Древнетюркские суффиксы *-ma / -me (jalma* → *jal+ma* ‘коль-

чуга, *jatïyma* → *jatïy+ma* 'ночлег', *jelme* → *jel+me* 'разведка, разведчик', *körigme* → *körig+me* 'желание, желающий'), в сарыг-уйгурском языке имеют форму *-ma*, *-ba*, *-pa* (*turma* 'репа', *somba* 'прядь; куплет', *soqpa* 'каша'), в казахском языке — *-ma* / *-me*, *-ba* / *-be*, *-pa* / *-pe* (*baspa*, *bölme*, *žazba*, *köpme*, *qazba*, *tospa*), в турецком — *-ma* / *-me* (*doğma* 'рождаться, рождение', *görüŝme* 'встретиться, увидиться'). Наличие твердых вариантов суффиксов в сарыг-уйгурском и казахском языках может быть сохранившейся чертой периода развития тюркских языков в до-тюркское время.

Эволюционное развитие окончаний охватывает такие сложные процессы, как их образные изменения, смысловая стабильность или изменчивость, многофункциональность или исполнение одной функции, образный и семантический отбор и системность. Итак, даже если в структуре окончаний, образующих имена существительные и являющихся общими для сарыг-уйгурского, казахского и турецкого языков, встречаются определенные звуковые изменения, сформированные в ходе 1400–1500-летнего исторического развития тюркского языка в VI–X вв., можно отметить то, что аффиксы по смыслу и функциям, а также морфологическим особенностям очень схожи с окончаниями языка письменных памятников, образующими именными частями речи. Однако полное сохранение губного сингармонизма, присущего суффиксам, образующим существительные, в языке древнетюркских письменных памятников в турецком, его частичное сохранение в сарыг-уйгурском и полное исчезновение в казахском языке связано с определенными причинами. Так, в казахском языке на распространение и развитие формантов, соответствующих губному сингармонизму не только в суффиксах имен существительных, но и в общей системе окончаний, повлияли сформированные правила и орфографические нормы русского языка. На сохранение большинства нелабиализованных окончаний в сравнении с губными окончаниями в сарыг-уйгурском языке оказала влияние постепенная консервация языка, что привело к сокращению и ограничению ряда окончаний. Это в свою очередь означает, что наличие или отсутствие вариантного разделения суффиксов имен существительных в языке орхоно-енисейских памятников письменности в сарыг-уйгурском, казахском и турецком языках может

указывать на своеобразные особенности системы словообразования и морфологической структуры, развившиеся и сформировавшиеся в период после IX в., во время их эволюции как языков отдельных этносов.

Список сокращений

Алт. — алтайский; азерб. — азербайджанский; башк. — башкирский; гаг. — гагаузский; карайм. — караимский; древнетюрк. — язык древнетюркских памятников письменности; каз. — казахский; кбалк. — карачаево-балкарский; ккалп. — каракалпакский; кум. — кумыкский; кырг. — кыргызский; ног. — ногайский; среднетюрк. — язык среднетюркских памятников письменности; узб. — узбекский; сал. — саларский; тат. — татарский; тоф. — тофаларский; тув. — тувинский; тур. — турецкий; уйг. — уйгурский; чув. — чувашский.

Источники

- Айдаров Ф.* Күлтегін ескерткіші. Алматы: Ана тілі, 1995. 232 б.
- Айдаров Ф.* Тоникуқ ескерткішінің (ҮІІІ ғасыр) тілі. Алматы: Қазақстан, 2000. 120 б.
- Айдаров Ф.* Орхон ескерткіштерінің тексі. Алматы: Ғылым. 1990. 220 б.
- Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф. и др.* Современная и древняя Енисейка. Фрунзе: АН КиргССР, 1962. 248 с.
- Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках / под ред. И. А. Батманова. Фрунзе: Илим, 1971. 194 с.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
- Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. 194 с.
- Материалы экспедиции. Тюркская академия (запис. от представителя сарыг-уйгурского этноса, докторанта Университета Ляньжоу Арслана Яглакара. 09.07.2012. Поселок Кызылдаван).

Литература

- Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Ч. I. Части речи и словообразование. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 542 с.
- Баскаков Н. Л.* К вопросу о происхождении условной формы на *-sa*, *-se* в тюркских языках // Акад. В. А. Гордлевскому к его 70-летию. Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 35–69.
- Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.

- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 382 с.
- Есенкулов А. Көне түркі жазба ескерткіштеріндегі қосымшалар. Алматы: Ғылым, 1976. 207 б.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1972. 569 с.
- Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л.: Наука, 1980. 255 с.
- Константинова О. А. Эвенкийский язык. М.; Л.: Наука, 1964. 272 с.
- Кошгарий, Махмуд. Туркий сўзлар девони (Девону-лугот ит-турк) // Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. 3 томлик. Тошкент: ЎзФанашир, 1960–1963. II т., 1961, 428 с.
- Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. 206 с.
- Рамstedт Г. Й. Введение в алтайское языкознание: морфология / пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 255 с.
- Решетов А. М. Шара уйгур (шира югур, юйгу) // Народы и религии мира. Энциклопедия. М.: Научн. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998 [электронный ресурс] // URL: http://hamagmongol.narod.ru/splinters/shuygur_r.htm (дата обращения: 15.06.2016)
- Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. 437 с.
- Серебрянников Б. А. Историческая грамматика пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
- Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М.: Наука, 1966. 84 с.
- Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Алматы: Мектеп, 1988. 263 б.
- Томанов М. Тіл тарихы туралы зерттеулер. Алматы: Ғылым, 2002. 616 б.
- Уйгуры [электронный ресурс] // URL: <http://china.worlds.ru/info/min/yugur.html> (дата обращения: 15.06.2016).
- Хасенова А. Етістіктің лексика-грамматикалық сипаты. Алматы: Ғылым, 1971. 307 б.
- Хы Уей Гуанг. Сарығ ұйғырлардың мәдениет тарихы. Бейжин: Ұлттарбаспасы, 2000 (на китайском языке, перевод комментариев Ш. Абсалык).
- Aidarov G. *Kültegin eskertkici* [Kül Tigin monument]. Almaty, Ana Tili Publ., 1995, 232 p. (In Kazakh).
- Aidarov G. *Tonikuq eskertkicinini (VIII gasyr) tili* [The language of Tonyukuk monument (8th c.)]. Almaty, Qazaqstan Publ., 2000, 120 p. (In Kazakh).
- Aidarov G. *Orhon eskertkicinini teksini* [The Orkhon inscriptions]. Almaty, Gylym Publ., 1990, 220 p. (In Kazakh).
- Batmanov I. A., Aragachi Z. B., Babuckin G. F. i dr. *Sovremennaya i drevnyaya Eniseika* [Modern and ancient Eniseika]. Frunze, Publ. House of the Kirghiz ASSR Acad. of Sciences, 1962, 248 p. (In Russ.).
- Drevnie tyurkskie dialekty i ih otrazhenie v sovremennyh yazykah. Pod red. I. A. Batmanova* [Ancient Turkic dialects and their traces in modern languages. Edit. by I. Batmanov]. Frunze, Ilim Publ., 1971, 194 p. (In Kazakh).
- Drevnetyurkskii slovar'. Pod red. V. M. Nadel'yaeva, D. M. Nasilova, E. R. Teniceva, A. M. Sherbaka* [A dictionary of Old Turkic. Edit. by V. Nadelyaev et al.]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p. (In Russ.).
- Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti* [Monuments of the Old Turkic script]. Moscow – Leningrad, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1951, 452 p. (In Russ.).
- Malov S. E. *Yazyk jeltyh uigurov* [The language of Yellow Uyghurs]. Almaty, Publ. House of the Kazakh SSR Acad. of Sciences, 1957, 197 p. (In Russ.).
- Materialy ekspeditsii. Tyurkskaya akademiya (Zapisano ot predstaviteleya sarug-uygurskogo etnosa, doktoranta Universiteta Lyanjou Arslana Yaglakara 09.07.2012. Poselok Kyzyl'davan)* [Expedition field data. International Turkic Academy (As recorded from an ethnic Yugur, Ph.D. student at Lanzhou University, Arslan Yaglakar on 9 July 2012, Kyzyl'davan village)].

References

- Baskakov N. A. *Karakalpakskii yazyk. Fonetika i morfologiya. Ch. 1. Chasti rechi i slovoobrazovanie* [The Karakalpak language. Phonetics and morphology. P. 1. Parts of speech and word formation]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1952, 542 p. (In Russ.).
- Baskakov N. L. *K voprosu o proichojdenii uslovnoi formy na -sa, -se v tyurkskih yazykah* [The origin of the conditional form of -sa, -se in Turkic languages revisited]. *Akademiku V. A. Gordlevskomu k ego semidesyatiletiiyu. Sbornik statei* [Celebrating the 70th anniversary of academician V. A. Gordlevsky. A collection of articles]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1953, pp. 35–69 (In Russ.).

Sources

- Aidarov G. *Kültegin eskertkici* [Kül Tigin monument]. Almaty, Ana Tili Publ., 1995, 232 p. (In Kazakh).

- Baskakov N. A. *Vvedenie v izuchenie tyurkskih yazykov* [An introduction to Turkic linguistics]. Moscow, Vysshaja Shkola Publ., 1969, 384 p. (In Russ.).
- Bichurin N. Ya. (Iakin). *Sobranie svedenii o narodah, obitavcih v Srednei Azii v drevnie vremena* [A collection of data regarding the peoples that inhabited Central Asia in ancient times]. Moscow–Leningrad, Publ. House of the USSR Acad.of Sciences, 1950, 382 p. (In Russ.).
- Esenkulov A. *Kone tuerki jazba eskertkisherindegi qosymshalar* [Applying the Old Turkic inscriptions]. Almaty, Gylym Publ., 1976, 207 p. (In Kazakh).
- Hy Uei Guang. *Saryg Uigyrlyardyn madeniet tarihy* [The history of Yugur culture]. Beijing, Ultar Publ., 2000, 231 p. (In Chinese; Comments transl. by Sh. Absalik).
- Khasenova A. *Etistiktin leksika-grammatikalyq sipaty* [The lexical and grammatical nature of the verb]. Almaty, Gylym Publ., 1971, 307 p. (In Kazakh).
- Kononov A. N. *Grammatika sovremennogo turezkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern literary Turkish]. Moscow–Leningrad, Publ. House of the USSR Acad.of Sciences, 1956, 569 p. (In Russ.).
- Kononov A. N. *Grammatika yazyka tyurkskih runicheskikh pamyatnikov (VII–IX vv.)*. [Grammar of the language of Turkic runic monuments (7th–9th cc.)] Leningrad, Nauka Publ., 1980, 255 p. (In Russ.).
- Konstantinova O. A. *Evenkiiskii yazyk* [The Evenk language]. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1964, 272 p. (In Russ.).
- Koshgari, Mahmud. *Turkii suzlar devoni (Devonilugat it-turk). Tarjimon va nashrga taitlovchi S. M. Mutallibov. 3 tomlik* [The Dictionary of Turkic languages (Dīwān Lughāt al-Turk). Transl. by S. Mutallibov. In 3 vol.]. Tashkent, Uz Fanashr Publ., 1960–1963, II tom, 1961, 428 p. (In Uzbek).
- Levitskaya L. S. *Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka* [Historical morphology of the Chuvash language]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 206 p. (In Russ.).
- Ramstedt G. J. *Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie. Morfologiya. Per. s nem.* [An introduction to Altaic linguistics. Morphology. Transl. from German]. Moscow, Publ. House for Foreign Literature, 1957, 255 p. (In Russ.).
- Reshetov A. M. *Shara uigur (cira yugur, yuigu)* [Yellow Uyghurs]. *Narody i religii mira. Entsiklopediya* [Peoples and religions of the world. Encyclopedia]. Moscow, Bolshaya Rossiiskaya Entsiklopediya Scient. Publ., 1998, 928 p. Available at: http://hamagmongol.narod.ru/splinters/shuygur_r.htm (accessed: 15 May 2016) (In Russ.).
- Sevortyan E. V. *Affiksy imennogo slovoobrazovaniya v azerbaidjanskom yazyke. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Azerbaijani noun-forming affixes. An experience of comparative research]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 437 p. (In Russ.).
- Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya permskih yazykov* [Historical morphology of Permian languages]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad.of Sciences, 1963, 391 p. (In Russ.).
- Tenishev E. R., Todaeva B. H. *Yazyk jelytyh uigurov* [The language of Yellow Uyghurs]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 84 p. (In Russ.).
- Tomanov M. *Qazaq tilinin tarihi grammatikasy* [Historical grammar of the Kazakh language]. Almaty, Mektep Publ., 1988, 263 p. (In Kazakh).
- Tomanov M. *Til tarihy turaly zertteuler* [Studies on the history of the language]. Almaty, Gylym Publ., 2002, 616 p. (In Kazakh).
- Uigury* [Uyghurs]. Available at: <http://china.worlds.ru/info/min/yugur.html> (accessed: 15 May 2016) (In Russ.).

УДК 81.362 (811.512.132)

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ АФФИКСОВ ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В САРЫГ-УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Сагидолда Гульгайша Сагидолдакызы ¹, Ескеева Магрипа Кайнарбаевна ², Абдуалиулы Бегжан ³

¹ доктор филологических наук, профессор, кафедра казахского языкознания, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: asem963@mail.ru.

² доктор филологических наук, профессор, кафедра тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: mag61103@inbox.ru.

³ доктор филологических наук, профессор, кафедра казахского языкознания, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: bekzhan_a7@mail.ru.

Аннотация. Западный сарыг-уйгурский язык — один из тюркских языков, оказавшийся на грани исчезновения и ассимиляции в результате длительного взаимодействия с монгольским, тибетским и китайским языками. Исследование развития общетюркского языка и выявление причин распада языков представляется актуальным на материале западного сарыг-уйгурского языка в качестве «законсервированной лингвоструктуры», который оставался длительное время после VIII–IX вв. в Центральной Азии под влиянием этнолингвоисторических процессов «в недрах» китайского, тангутского, тибетского и монгольского языков и потерял связь с тюркской языковой средой. Несмотря на влияние указанных языков, западный сарыг-уйгурский язык считается одним из древних тюркских языков, сохранившим общетюркские праформы и признаки развития тюркских языков в древнетюркскую эпоху. Сравнительно-историческое исследование аффиксов именного словообразования в сарыг-уйгурском языке и языке древнетюркских памятников письменности, казахском языке кипчакской группы, турецком языке огузской группы позволяет выявить общие словообразовательные форманты, присущие данным языкам изучаемого периода, а также пути развития аффиксов в постдревнетюркский период и их формирование в каждом из названных языков.

Исследование показывает, что в сарыг-уйгурском, казахском и др. тюркских языках функционировали присущие тюркским языкам VI–X вв. общие суффиксы, образующие имя существительное, которые на протяжении 1400–1500 лет своего исторического развития приобрели некоторые звуковые изменения, а значения и функции аффиксов, их морфологические особенности в языке памятников имеют некоторые сходства с аффиксами местоимений. Тем не менее сингармонизм, обнаруженный в именных суффиксах в языке памятников древней письменности, полностью сохранился в турецком языке, частично — в сарыг-уйгурском языке, в казахском же языке совсем не наблюдается.

Ключевые слова: этнолингвоисторические процессы, тюркский этнос, языковые контакты, общетюркская праформа, язык древнетюркских памятников, кипчакская языковая группа, огузская языковая группа, система именных аффиксов.